

ТРАДИЦИОННОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ: К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАТИКЕ ЭТНОЛИНГВИСТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТУВИНСКОГО, ХАКАССКОГО И ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

А. Д. Наксин

Аннотация: В статье с позиций причастности к проблематике этнической лингвистики рассмотрены загадки (в тувинском языке), некоторые явления языкового табу (в хантыйском языке), т. н. подставные названия хакасского языка и тувинские и хакасские связанные (устойчивые) “числовые” сочетания.

Ключевые слова: традиционное мировоззрение, этнолингвистика, тувинский язык, хакасский язык, хантыйский язык.

Гипотеза лингвистической относительности, как известно, не получила явного доказательства; тем не менее, в ней сконцентрированы наиболее сильные положения основ этнолингвистики. Ниже укажем некоторые верные, на наш взгляд, постулаты этнолингвистики и гипотезы Сепира — Уорфа, разберем такой материал разноструктурных языков, который, несомненно, имеет отношение к связи языка и культуры этноса.

Этнолингвистика трактуется А.М.Кузнецовым как направление в языкознании, изучающее язык в его отношении к культуре (Кузнецов, 1990а: 597). По мнению М.И.Исаева, этнолингвистика — это научная дисциплина, находящаяся на стыке этнографии и лингвистики и изучающая взаимоотношение между этносами и языком (Исаев, 2003: 177).

«Согласно Сепира-Уорфа гипотезе, — пишет А. М. Кузнецов, — логический строй мышления определяется языком. ... В советском языкознании Сепира-Уорфа гипотеза подверглась критике с позиций марксист-

Наксин Андрей Данилович — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, ведущий научный сотрудник сектора языка Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории.

ской методологии: сторонники этой гипотезы не учитывают, что язык не представляет собой самодовлеющей силы, творящей мир, а является результатом отражения человеком окружающего мира. Различия в способах его членения возникают в период первичного означивания и могут быть обусловлены ассоциативными различиями, несходством языкового материала, сохранившегося от прежних эпох, влиянием других языков и т. д. ... Форма и категории мышления одинаковы у всех народов, хотя язык оказывает известное регулирующее влияние на процесс мышления» (Кузнецов, 1990b: 443).

Давно устоявшееся научное мнение (почти клише) заключается в том, что традиционное мировоззрение древних народов находит вполне определенное, адекватное выражение в языке того или иного народа, наиболее адекватное — в пословицах, поговорках, загадках и в других малых, а также и в больших, фольклорных произведениях.

Переворачиваем эту формулу — получаем столь же верное утверждение: во многих фрагментах языка очень верно (метко, точно, адекватно) отражается миропонимание, мировоззрение означенного народа. При этом народное сознание, переходящее в вербальную форму (в язык), естественно, никоим образом не ориентируется на “законы жанра”, оно попросту их не ведает. Вот, к примеру, «в тувинских загадках о природе, человеке, быте, хозяйстве многие даже сугубо материальные образы одухотворены, осмыслены мировоззренчески, что в целом загадке как фольклорному жанру не свойственно» (Курбатский, 1995: 153).

В качестве примера можно привести три тувинские загадки, ответ у которых один — чүрек (сердце):

Кашпал иштинде

Кара маадыр хап тур.

В ущелье

Чёрный богатырь скачет.

Кашпал иштинде

Хам хамнап тур (олур).

В ущелье

Шаман шаманит (сидя).

Дүгде киж

Дүн-хүн чок хамнады.

Там человек

День и ночь шаманит (Загадки о человеке, Электр. ресурс).

Принимая в целом оба этих постулата, после выполнения в отноше-

нии эмпирического материала (коим в нашем случае являются вербальные конструкции, сконцентрированные в словарях) процедур анализа, сравнения и обобщения, решимся развить эти положения в типологическом духе, т. е. с позиций лингвистической типологии. Общая мысль в первом приближении достаточно проста, а для истых приверженцев типологии и вовсе — лежит на поверхности: эта соотнесенность народного сознания (мышления) и языка народа, так же как и структурные схемы языков мира, может быть разложена на типы. То есть, конечно, связь коллективного разума и словесных конструкций может быть рассматриваема применительно к каждому отдельно взятому языку, но лингвисты будут настаивать на том, что в результате общего взгляда на получающуюся картину (на все языки именно в этом одном аспекте) так или иначе придется констатировать наличие нескольких немногих типов языков. Существенный момент: поскольку мир многолик, человеческое сознание многомерно, целесообразно исследовать названную связь постепенно, каждый раз применительно к отдельным самостоятельным явлениям (субстанциям, понятиям, концептам, категориям).

Например, можно сравнивать, как отражаются в языковой картине мира разных народов отношения человека, животных и ландшафта. Известно, что наиболее ярко, вербально указанные отношения проявляются в таких языковых единицах и синтагмах, как табу, эвфемизмы, сравнения с животными, оценочные слова и словосочетания, фразеологизмы, поговорки и пословицы. Эту своеобразную типологию языковых единиц и синтагм, актуальных в аспекте соотнесения человека с окружающим его миром, могут начинать словесные табу и эвфемизмы: часто именно они первыми приходят на ум, если мы хотим выстроить ряд сегментов языковой картины мира, производных от национального менталитета.

Охотничьи табу и эвфемизмы — обозначения животных и ландшафта, имеющиеся в хакасском языке, мы хотели бы сравнить с аналогичными элементами хантыйского языка. Другими словами, интересно сопоставить фрагменты языковой картины мира народов, живших и живущих в разных географических условиях.

Одна из очевидных линий сравнения в данном случае: «медвежий язык» в составе хантыйского языка и «подставные слова» хакасского языка (функционирующие в основном в сфере лексики охотничьего промысла). При этом табу анализируется как запрет, связанный с магической функцией языка (речи), как явление, характерное для языков народов с архаичной культурой. Из числа эвфемизмов рассматриваются только те,

что употребляются вместо синонимичных им слов или выражений, представляющихся неуместными на охоте и в разговоре об охоте, о поведении в «охотничьем ландшафте».

Широко известно, что у ханты существует так называемый «медвежий язык», в словарь которого входят около 100 слов, обозначающих не только самого медведя и части его тела, а также почти все предметы и действия, связанные с охотой на него тем или иным образом. Возникновение этого специального «медвежьего языка» естественно связывать с выработанным ханты (совместно с родственными манси) и хорошо фиксировавшимся еще в середине прошлого века культом медведя.

У хакасов нет культа медведя, но все же и в хакасском языке возник круг слов, составляющих специальный охотничий язык. Этот язык, в свою очередь, неразрывно связан с тем образом жизни, который вели хакасы-охотники. Вот, например, что пишет об охоте хакасов известный этнограф К. М. Патачаков (предварительно он сообщает, что хакасы охотились преимущественно на медведя, марала, лося, рысь, соболя, выдру, белку, волка):

«Основными видами техники, которыми пользовались хакасские звероловы с давних времен для добычи зверей, были различные ловушки своеобразной конструкции, загороди, петли и сети. Позже появились кремневые ружья и капканы. ... На каждый вид зверя существовали своеобразные приемы. ... При тогдашней примитивной технике охоты слабо вооруженный охотник, часто подвергавшийся случайностям стихии природы, нередко голодный, в поисках зверя попадал во власть созданных его воображением сверхъестественных существ» (Патачаков, 2006: 10, 13–21).

«Медвежий язык» в составе хантыйского языка может служить ярким примером формирования собственно табу. Охотничий язык хакасов, конечно, отличается от обычного языка, но собственно табу в нем почти нет. Часть т. н. подставных названий хакасского языка сближаются с табуированными словами (поскольку в них выражается почтение к зверю), другая часть — с описательными образными оборотами.

Что касается образных средств: тувинский и хакасский языки, без сомнения, входят в число языков, чрезвычайно ими насыщенных. Вот как писала об этом выдающийся ученый, замечательный лингвист М. И. Черемисина: «Алтайским языкам, насколько я могу судить, ... чужды многие стороны той образности, которая присуща русскому и другим европейским. Например, здесь не принята метафоризация образов животных: людей не

называют ослами, медведями, коровами, божьими коровками, змеями и т. д., хотя иногда и сравнивают с животными. Зато для этих языков характерен другой тип образности: специфические образные (но не метафорические!) и звукоподражательные слова» (Черемисина, 1992: 76).

Как можно видеть из разных источников по хакасскому языку, почтительное отношение выражается не только медведю, но и волку (хотя это другая почтительность). С образом волка как свирепого безжалостного хищника связано образование многих сравнительных оборотов, пословиц и поговорок хакасского языка, содержащих указание на упомянутые «отрицательные» признаки зверя:

Пүүр волк: ... пүүр хылыхтыҕ кизи жестокий, свирепый человек; пүүр чарымы негодяй, подлец (букв. волка половина); пүүр чох таҕ чоҕыл, чабалы чох чон чоҕыл погов. нет гор без волка, нет народа без дурного; пүүр — чир хулахтыҕ погов. и стены имеют уши (букв. волк имеет земляные уши) (Хакасско-русский словарь, 2006: 408).

В восприятии и передаче повадок лисы и зайца хакасы не оригинальны, с этими животными связаны большей частью образные выражения:

Түлгү 1) лиса... 2) перен. плутовка; хитрец, льстец; түлгүчек полба! не будь плутовкой... түлгү — хайдар, хузуруҕы — андар погов. куда лиса, туда и хвост; түлгү түзінде дее таңах көрче погов. лиса и во сне видит кур (там же: 691).

Хозан заяц... хозан чүрек трусливый, заячья душа; хозан пас глупец; разг. бестолочь; хозан сүрерге мерзнуть (так, что нельзя заснуть) (там же: 833).

Табуированными в хакасском языке можно считать, очевидно, следующие слова и выражения:

сөөк пас 'костяная голова' (белка), саарасхыр 'соловый жеребец' (колонок), чирік пурун 'раздвоенный нос' (заяц), сазах оды 'пахучее курице' (табак), кистіг 'резак' (нож), сапачах 'топор' (топор), атынчаң 'то, чем стреляют' (ружье), тоҕлах 'круглый' (пуля), пиденген 'замаранная' (собака), хызарҕан 'краснеющее' (мясо), типсечен 'то, что топчут' (зола), сарыҕмай 'желтеющий' (дрова), хахтыҕ 'таган' (таган).

Описательными образными оборотами следует признать слова и выражения типа:

узун азах 'длинноногий' (конь), чызыҕ пурун 'гнилой нос' (корова), маарас 'блеющая' (овца), узун сас 'длинноволосый' (поп), пас пулҕас 'головомохатель' (шаман).

Итак, выясняется, что табуированная лексика в хакасском языке есть; она представлена не столь богато, как в хантыйском языке, но выделяется вполне явно, в виде части слов охотничьего языка. В контексте сравнения языковых картин мира адекватным представляется вывод о том, что охотничьи табу и эвфемизмы хакасского языка занимают промежуточное положение между «медвежьим языком» хантыйского языка и табу и эвфемизмами в языках многих современных народов, далеко ушедших от архаики в своей культуре. Другой вывод сводится к тому, что в области междисциплинарных исследований (в нашем случае — на стыке лингвистики и этнографии) важно правильно оценивать соотношение мифологического сознания и обыденного, прагматичного сознания в формировании отдельных фрагментов национальной языковой картины мира.

Еще, к примеру, можно сравнивать разные языки на предмет того, как в них в качестве словообразовательных элементов используются слова типа один, два, три... сорок пять, т. е. лексемы, за которыми стоят числа. Такое исследование, действительно, было проведено: известный лингвист сравнил по названному признаку целый ряд языков, в том числе особенно пристально он анализировал данные русского и китайского языков. Сфера языка при этом была правомерно сужена: рассматривались явления только лексико-фразеологического уровня. И вот к каким выводам пришел исследователь.

«Китайский язык во много раз активнее любых знакомых нам языков использует в качестве словообразовательных элементов числа. ... Все факты использования имен чисел в качестве строительного материала китайской лексико-фразеологической системы мы разделили на три группы: 1) числа входят во внутреннюю форму отдельных слов; 2) числа используются в пословицах и поговорках; 3) числа входят в состав своеобразных «формул-предписаний». Проводя параллели с русским языком, заметим, что немногочисленные случаи использования чисел в лексико-фразеологической системе русского языка по предложенной классификации полностью уложились в первые две группы» (Корнилов, 2003: 218–219).

Мы пошли по этому же пути, и под предложенным углом зрения проанализировали материал тувинского и хакасского языков, содержащийся в общедоступных словарях.

Если по предложенной схеме рассмотреть материал тувинского и хакасского языков, нужно будет констатировать, что он представляет тот же тип языков, что и китайский, — языков, в которых случаи семанти-

чески связанного, «фразеологического» использования чисел относятся и к внутренней форме слов (и словосочетаний), и к структуре пословиц (и поговорок), а также и формул-предписаний. Единственный нюанс заключается в том, что в системе тувинского и хакасского языков много не просто слов (в том числе — сложных), а словосочетаний с числами:

Чаңгыс сөс-биле — одним словом; бир-ле магалыг эки хүн — в один прекрасный день; шупту чаңгыс кижидег — все как один (Краткий русско-тувинский словарь, 1994: 206).

Беш көпөөкчигеш — пятачок (монета) (там же: 307).

Кошкан үш аът — тройка (лошадей) (там же: 384).

ПІР один ... пір чүүрлер презр.-ирон. всякие люди (соотв. одного поля ягоды); пір чүүрлер піріккелер алтырлар собрались всякие; бродяги; пір ондайнаң чуртурга жить однообразной жизнью; пір чіпке тартарга судить обо всех одинаково (букв. на одну нитку натянуть); пір чахсы кізі аал чазидыр, пір чабал кізі аал путхидыр посл. один хороший человек прославит село, другой (дурной) может опозорить село (Хакасско-русский словарь, 2006: 367).

ТӨРТ четыре; төрт азахтыг четвероногий; төрт терпектиг четырехколесный... төрт орынныг машина четырехместная машина; төрт азахтыг — нымыха туупча (табырған) фольк. загадка с четырьмя ногами — несет яйца (белка-летяга) (там же: 664).

ПИС 1) пять... пис чыллыг пятилетка; 2) пять, пятерка (оценка, балл); пис салаа тударга здороваться, приветствовать (букв. пять пальцев держать); пис адай пір інде чуртапчалар (мелейдегі хол) загадка пять собак в одной конуре живут (рука в рукавице) (там же: 362).

ЧИТИ семь... читі күні религ. семь дней (поминки). ЧИТИГЕН Большая Медведица (созвездие); Адай Читігені созвездие Малой Медведицы; Читіген, Читіген, читі чылтыс погов. Большая Медведица, Большая Медведица, семь звезд (там же: 972).

Итак, типологическую характерологию можно найти даже в тех семантических сферах, которые сильно «зависят от» ментальности этноса. В перспективе просматривается возможность создания когнитивной грамматики естественного языка. Строй языка, его подсистемы, категории и единицы можно рассматривать как результат познавательной деятельности именно данного человеческого сообщества, данного этноса. Самая деятельность этноса, создавшего этот конкретный язык, предпо-

лагаются совершенной пусть и не по точному плану, но в некоем заданном направлении. Исходная мысль: развитие «коллективного разума» этноса шло в определенном направлении, и потому — получился тот язык, который получился. Также следует иметь в виду, что одни фрагменты лексики языка могут опираться на обыденное, «повседневное» человеческое сознание, другие — на «виртуальное», одним из которых, как выясняется, является сакральное, мифологическое сознание.

Список литературы:

Загадки о человеке [Электронный ресурс] // Радуга Тувы. URL: http://tuvacheleesh.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=632&Itemid=56 (дата обращения: 10.02.2015).

Исаев, М. И. (2003) Словарь этнолингвистических понятий и терминов. 3-е изд. М. : Флинта ; Наука.

Корнилов, О. А. (2003) Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. М. : ЧеРо.

Краткий русско-тувинский словарь (1994). Около 14 тысяч слов / отв. редактор Д. А. Монгуш; редактор Я. Ш. Хертек. Кызыл.

Кузнецов, А. М. (1990а) Сепира — Уорфа гипотеза (гипотеза лингвистической отнесенности) // Лингвистический энциклопедический словарь / главный редактор В. Н. Ярцева. М. : Советская энциклопедия.

Кузнецов, А. М. (1990б) Этнолингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь / глав. ред. В. Н. Ярцева. М. : Советская энциклопедия. С. 597–598.

Курбатский, Г. Н. (1995) Традиционное мировоззрение тувинцев в их загадках // Аборигены Сибири: Проблемы изучения исчезающих языков и культур: Тезисы Международной научной конференции. Новосибирск (Академгородок), 26–30 июня 1995 г. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН. Том II. Археология. Этнография. С. 153–155.

Патачаков, К. М. (2006) Некоторые сведения об охоте хакасов / Рукописное наследие Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. №1. Абакан.

Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстүк (2006) / О. П. Анжиганова, Н. А. Баскаков, М. И. Боргояков и др. / под общ. ред. О. В. Субраковой. Новосибирск : Наука.

Черемисина, М. И. (1992) Языки коренных народов Сибири : учебное пособие. Новосибирск.

Дата поступления: 24.03.2015 г.

**TRADITIONAL WORLDVIEW AND ITS REFLECTION ON LANGUAGE: TO THE
ISSUES OF ETHNIC LINGUISTICS (BASED ON TUVAN, KHAKASS AND
KHANTY LANGUAGES)**

A. D. Kaksin

Abstract: Article reviews from the positions of participation in a perspective of ethnic linguistics the riddles (in the Tuvan language), some phenomena of a language taboo (in the Khanty language), so-called false names of the Khakass language and both the Tuvan and Khakass connected (steady) “numerical”.

Keywords: traditional worldview, ethnic linguistics, Tuvan language, Khakass language, Khanty language.